

Vol.

Федор Шейд

Безмятежность

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

Ш39

Шейд, Федор.

Ш39   Безмятежность [рассказы] / Федор Шейд. — М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 328 с.

ISBN 978-5-04-216298-5

Дебютный сборник рассказов Федора Шейда состоит из остроумных и пронзительных историй, которые складываются в трагикомический сериал о современной России. Репортер на испытательном сроке получает задание написать новость о крокодиле, погибшем под колесами грузовика. Популярный комик сталкивается с обвинениями в насилии и отчаянно пытается спасти свою карьеру. Замкнутый парень везет сумасшедшую соседку в больницу, где случайно знакомится с врачом-гангстером и отправляется в ночное путешествие. Брат и сестра караулят таинственного незнакомца, который по ночам уничтожает советские вывески. Беспощадная сатира и абсурд соседствуют с неожиданной человечностью, горечь сменяется радостью, а привычную повседневность пронизывает сквознячок небытия.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

© Федор Шейд, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Individuum®

ISBN 978-5-04-216298-5

© Tim Lahan, иллюстрация на обложке

Оглавление

Часть I. Одержимость

Крокодил	II
Ожидая похитителя вывесок	37
Бусидо	75
Тараканья кухня	118
Бит	142
Экспресс	170

Часть II. Отчуждение

Юниорка	189
Подвал	200
Людоед	210
Нереальная история	218
Признаки скорой грозы	256
Черный квадрат	283

Часть III. Оптимизм

Жизнь в ночных поездах	313
------------------------------	-----

Думаю, вы и так знаете, но я все же напомним:
неизбежная легкость, с которой грустное всегда
превращается в радостное и обратно, возможно, и есть
тот ключ, что поможет найти покой в тяжелые времена.

*Леопольд Маус, из лекции «О некоторых вызовах, встающих
перед литературой в XXI веке»*

Часть I.

Одержимость

Крокодил

Крокодилу отрезало голову где-то на шоссе, а я даже не знал, где именно. Говорят, грузовик переехал, но подробностей нет. Крови, наверно, было много. Не уверен, правда, есть ли вообще у крокодилов кровь. Хотя их вроде называют холоднокровными, — значит, есть, просто холодная.

Моя начальница Инесса вызвала меня и сказала: «Необходимо узнать, как умер крокодил». Ага, конечно, так и побежал, подумал я. Но вслух ответил: «Хорошо, узнаю».

Сразу оговорюсь: если вы, как и я когда-то, уверены, что репортерская работа полна романтики в духе молодого Хемингуэя, то вынужден вас огорчить. Пять дней в неделю отсиживаешь задницу в опенспейсе среди других бедолаг с грошовой зарплатой, целыми днями разгребашь пресс-релизы и постоянно базаришь по телефону — вот и вся твоя работа. Никуда не едешь, разве что на брифинги, а это еще скучнее, чем пресс-релизы. Все, что ты видишь каждый день, — твой стол и уставшие лица вокруг.

Мой, например, стол: компьютер, два допотопных монитора, клавиатура, чашка, которую я принес из дома, пакетика (кладу их в чашку и заливаю едва теплой водой из кулера), диктофон. Чашку приходится постоянно мыть

в общем туалете, и мне в последнее время мерещится, что от нее воняет говном. Пить из нее неприятно, но альтернативы я не вижу. Еще на столе, конечно, лежит блокнот, куда я все записываю. Если не записывать, быстро сойдешь с ума. Переизбыток информации — это не шутки.

Слева от меня сидит Вика, второкурсница с журфака. Она постоянно ходит в обтягивающих платьях, и могу сказать, что у нее отличная задница — которую она, впрочем, рискует потерять, если будет и дальше просиживать в офисе по девять часов в сутки. Вике нравится быть репортеркой. Она тут, кстати, единственная улыбается. Думаю, она гордится тем, что работает, пока ее однокурсники берут деньги у родителей. К тому же она любит говорить по телефону. «Здравствуйте, вас беспокоит Виктория из информационного агентства, могу задать вам пару вопросов?» С ее точки зрения, звучит. У меня эти слова во рту застревают. Ненавижу говорить по телефону, хуже попытки не придумаешь. Страшнее всего гудки. Эти суки, которым мне приходится звонить, всегда медленно подходят к телефону. И, пока в трубке гудки, у меня дико колотится сердце. Так что, когда трубку поднимают, я себя уже довел до предела. Задыхаясь, блеющим голосом я представляюсь, и от этого я сам себе противен. А я не люблю быть себе противен.

Они еще, как назло, всегда плохо слышат. «Что? Что вы говорите? Алло! Вы можете говорить четче?» Да иди ты нахуй, уебок, хочется сказать мне. Иди ты нахуй со своим министерством, гектарами земли и тоннами пшеницы, из-за которых я тебе звоню. Но я этого, конечно, не говорю.

Я работаю в отделе «Общество» и пишу новости о том, что происходит в области. А в ней ничего не происходит. Вот я и переписываю пресс-релизы о том, сколько человек переселили из аварийного жилья (свыше десяти тысяч), сколько приняло участие в акции «Ночь в музее»

(более пятидесяти тысяч), сколько новых автобусов вышло на маршруты с начала года (свыше восьмисот), какое место мы заняли по самому низкому уровню безработицы в стране (третье) и так далее. Если пресс-релизов нет или в них недостаточно информации, приходится звонить. Я этого избегаю всеми силами.

Раньше я пытался привносить в свою работу хоть что-нибудь интересное, но у Инессы, кажется, отсутствует область мозга, отвечающая за креативность. Однажды мне попался релиз, в котором речь шла о слепом массажисте. Ничем особым он не был примечателен, просто круто делал массаж и выиграл в каком-то конкурсе. Но мне в кои-то веки попала история, в которой было что-то кроме цифр. Я пошел к Инессе и предложил ей написать это. «Зачем?» — спросил она. «Не знаю, — ответил я. — Очень человеческая история». Инесса еще раз пробежалась глазами по тексту и сказала: «Он победил только в одной номинации». Я пробовал настаивать, сказал, что он все-таки слепой, это необычно. «Зачем ты тратишь время? — сказала Инесса. — Мы международное агентство».

Все интересное в основном уходит в отдел происшествий. Там пишут про аварии, убийства, судебные приговоры, изнасилования, взрывы (хлопки), упавшие самолеты и опасных преступников. Короче говоря, забирают себе весь экшен. Но крокодила почему-то не взяли. Видимо, поняли, что заебутся узнавать, откуда он взялся утром буднего дня посреди шоссе.

Я перехватил недовольный взгляд Инессы. Целый день она сидит вместе со всеми в опенспейсе, сгорбившись над столом, и стучит по клавиатуре. Профессионалка своего дела. Работает за троих. Но сейчас Инесса не стучит по клавиатуре, а напряженно смотрит на меня. Этот взгляд понятен без слов.

К сожалению, за свой профессионализм Инесса поплатилась атрофированным чувством юмора. Новости — ее жизнь. К ним она относится чрезвычайно серьезно. Инфоповоды нельзя пропускать, их нельзя игнорировать. Если Инессе сказать, что большинству людей срать с высокой колокольни на областные новости (а просмотры это подтверждают), Инесса не поверит. Она убеждена, что своей работой приносит пользу обществу. Она бы и ночевала здесь, просто не дают. Если на ее глазах кто-нибудь *не работает*, Инесса подсакивает и дрожащим голосом объявляет выговор. «Уже половина десятого, а ты все еще не написал ни одной новости? Войди в ритм!» — говорит она в таких ситуациях. Инесса искренне не понимает, как можно *не работать*. Отрываться от работы разрешено только на обед и на поспать, да и с этим лучше не затягивать.

Если спросить у Инессы, почему нельзя хоть чуть-чуть отдохнуть, то она, я готов ставить деньги, скажет лишь одно слово: «Конкуренты». Произнесено это будет почтительным шепотом. Конкуренты — это два других информагентства, где, разумеется, тоже есть областные отделы. Эти агентства вообще ничем друг от друга не отличаются, только названиями, как страны в книге Оруэлла. Они соревнуются друг с другом в скорости. И если ты опередил *конкурентов*, Инесса будет тобой гордиться. Впрочем, я их ни разу не опередил. И поэтому Инесса смотрит на меня с жалостью.

Она вообще-то неплохая женщина, просто пытается быть жесткой. Понятия не имею, что она делает вне работы, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что у нее семья. Уставший муж и двое детей, которых она почти не знает. Иначе как описать ее приверженность новостям?

Так, ладно, я слишком задумался. Не волнуйся, Инесса. Сейчас я сделаю пару звонков и раскрою это дело. Мы опередим конкурентов, чего бы это ни стоило.

Я ломал голову, как этот крокодил попал на шоссе. Мне вспомнился один мультик, который я смотрел в детстве. В нем аллигаторы жили в канализации Нью-Йорка. Уже во взрослом возрасте мне сказали, что это выдумка. А вдруг не выдумка? Иногда самые бредовые варианты оказываются правдой. Может быть, и наш крокодил пришел из канализации.

Я представил, как раскрываю это дело. Единственный, кто мыслит нестандартно. Все будут бегать и биться с крокодилей загадкой, и никому даже в голову не придет, что нужно посмотреть под ноги. А когда я напишу об этом, выяснится, что в канализации таких крокодилов много, и я предотвращу гуманитарную катастрофу. Неизвестно, сколько человек может пострадать из-за расплодившихся в канализации крокодилов. Потом придет какая-нибудь важная шишка, губернатор или еще кто-нибудь, и спросит: это он разгадал крокодилию тайну? Да, придется ответить Инессе, это наш репортер. Молодец, парень, скажет шишка, и меня переведут из этого отдела, и я наконец-то получу нормальную, а не собачью работу.

Я написал секретарю областного министра ЖКХ. Подождал ответа. Этот козел никогда не отвечает на письма вовремя. Пришлось звонить. Я набрал номер. Гудки. Он взял трубку. «Здравствуйте, Вадим, вас беспокоит информагентство, — я уточнил какое и назвал свое имя, — Звоню вот по какому вопросу... Недавно сбежал крокодил, вы что-нибудь слышали об этом?» Молчание. «Да, слышал». Не понимает, при чем он здесь. Ну ничего, сейчас поймет. «Мы тут пытаемся понять, как вообще так вышло, что крокодил ползает по областному шоссе, прорабатываем варианты. Скажите, есть ли вероятность, хотя бы маленькая вероятность, что крокодил мог обитать в канализации? И если да, могут ли в канализации обитать другие крокодилы?». Он помолчал, потом сказал: «Вы ебнутый?» — и бросил трубку.